

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

УДК 94(47)+929

Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ*

В фокусе статьи — обзор основных направлений и полей исследований исторической памяти в России, развитие методологии мемориальных исследований, формирование исторической политики. Авторы рассматривают проблему адаптации научного инструментария *memory studies* в российской исторической науке, основные факторы и центры становления и развития отечественной исследовательской традиции, выявляют как наиболее разработанные темы, так и еще не освещенные в литературе сюжеты. В статье рассматриваются вопросы влияния государственного и социального заказа на тематику профессиональных исторических исследований в области коллективной памяти, а также специфика их научного инструментария. Также авторами статьи оцениваются перспективы подобных исследований в современной России и подчеркивается необходимость создания «карты памяти» россиян с древнейших времен до начала XXI в. Библиогр. 197 назв.

Ключевые слова: историческая память, историография, российские мемориальные исследования, коллективная память.

E. A. Rostovtsev, D. A. Sosnytskiy

MAIN AREAS OF RUSSIAN MEMORIAL RESEARCHES

The focus of this article is to review main areas of Russian memorial researches, development methodology of historical memory, forming historical policy. The authors examine the problem of adaptation of scientific instruments “memory studies” in Russian historical science, the main factors and centers of formation and development the domestic research tradition, reveal the most elaborated theme, as well as subjects well covered in the literature. Authors view influence of state and social requirements on the theme of professional historical researches on collective memory, scientific tools. Also the authors evaluate the prospects for such investigations in modern Russia, they emphasize the need to create a guidance system of National Remembrance of Russians from ancient times to the beginning of the XXI century. Refs 197.

Keywords: historical memory, historiography, the Russian memorial research, collective memory.

Ростовцев Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; rostovtsev@hotmail.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; d.sosnitsky@history.spbu.ru

Rostovtsev Evgeny A. — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; rostovtsev@hotmail.ru

Sosnitskiy Dmitry A. — post-graduate student, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.sosnitsky@history.spbu.ru

* В статье использованы результаты работы авторов по проекту «Российская историография с древнейших времен XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте» (Тематический план НИР СПбГУ 5.0.151.2010, руководитель А. Ю. Дворниченко).

Историографическая ситуация 1990–2000 гг. в области исследований исторической памяти в России уже нашла определенное освещение в литературе [1–3]. В настоящем тексте обозначим несколько тем, которые, с нашей точки зрения, важны для понимания становления историографической традиции в этой области. В сфере внимания настоящей статьи — проблема адаптации инструментария, разработанного в западной научной литературе, в отечественной историографии и обзор основных направлений исследований исторической памяти в России. Также нами будут затронуты проблемы влияния государственного и социального заказа на формирование повестки современных *memory studies*, вопросы методологии отечественных мемориальных исследований и перспективы развития данного направления в российских условиях.

Трансфер концепта: *memory studies* на российской почве

Как известно, основные теоретические понятия и методологический аппарат, которые используются в области изучения исторической памяти, обусловлены развитием истории и смежных социальных наук на Западе (классические работы М. Хальбвакса [4], Ж. Ле Гоффа [5] (см. также: [6]), Б. Андерсона [7], Э. Хобсбаума [8], П. Рикера [9], Я. Ассмана [10] и др. [11–15]). Начиная с 1950–1960-х годов в западной историографии также чрезвычайно широко была востребована тема конкретного «героя» как объекта исторической памяти (см. напр.: [16–19]). Начало «мемориального бума» и собственно возникновения *memory studies* в 1980-е годы связано с деятельностью анналистов третьего и четвертого поколения школы — прежде всего со ставшей теперь классической работой Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада» (1980) (русский перевод: [20]) и с проектом Пьера Нора «Места памяти» (1984–1992) (краткое изложение основных результатов проекта и перевод отдельных глав исследования на русский язык: [21]).

Можно с уверенностью констатировать, что *memory studies* являются одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений современного социогуманитарного знания на Западе (со своей научной периодикой, тематическими конференциями, учебными курсами и пособиями) (см., напр.: [22]).

В этом смысле российская историография, в которой проблема исторической памяти стала предметом специальных исследований только в 1990-е годы, была поставлена перед необходимостью адекватного перевода терминологического аппарата и усвоения научного дискурса, выработанных в иной историографической традиции. В то же время на русских историков не мог не воздействовать их собственный — и очень различный — интеллектуальный опыт, связанный с изучением исторического сознания и историографии (например, в классических работах Ю. М. Лотмана (см., к примеру: [23]), М. Барга [24], А. Шапиро [25]). Разумеется, не только эти обстоятельства, но и специфика социального и академического заказа к российской исторической науке предопределили путь мемориальных исследований в России.

С формальных позиций влияние западной историографической традиции не случайно — ведущие позиции в этом (как и многих других так называемых «новых направлениях» исторической науки), по крайней мере до второй половины

2000-х годов, очевидно занимали специалисты по всеобщей истории Л. П. Репина [26], М. С. Бобкова [27], А. В. Доронин [28], И. Н. Ионов [29], Д. Хапаева [30], З. Ю. Метлицкая [31], И. О. Ермаченко [32] и др. Проблематика исторической памяти обсуждалась на страницах научных журналов, основанных известными российскими анналистами и «новонаправленцами» А. Я. Гуревичем («Одиссей»), Ю. Л. Бесмертным («Казус»), Л. П. Репиной («Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории»). По роду профессиональных занятий историки-всеобщники были в большей степени интегрированы в западную историографическую традицию. При этом первоначально тематически сюжеты таких исследований были связаны с проблемами и персонажами не российской, а западной истории. Постепенно, однако, все большее место как на страницах упомянутых научных журналов, так и в коллективных проектах стали занимать российские сюжеты. В этом смысле заслуживает рассмотрения ряд фундаментальных коллективных научных проектов, осуществленный в 2000-е годы под руководством Л. П. Репиной (руководитель центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН). Первым таким проектом стало коллективное исследование «Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени» (2003) [33]. Следующим проектом была «История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени» (2006) [34], затем «Время — История — Память: проблемы исторического сознания» [35]. Последним по времени завершения стал проект «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад» (2010) [36]. Характерно, что с каждым новым проектом возрастает число сюжетов и статей, посвященных российской проблематике. В рамках упомянутых проектов И. В. Ведюшкина и П. В. Лукин исследуют историческую память домонгольской Руси; К. Ю. Ерусалимский [37–38], А. С. Усачев [39–40] — историческую память Московской Руси; О. Б. Леонтьева [41–44], Т. А. Сабурова [45], С. А. Еремеева [46] — историческую память российского общества XIX в.; С. Ю. Малышева [47], А. А. Фокин [48] — проблемы трансформации исторической памяти в советское время. Проекты Л. П. Репиной, таким образом, безусловно, способствовали популяризации *memory studies* в российской историографии, усвоению их проблематики и терминологии. Способствовала этому и все большая интеграция российской исторической науки в мировое историографическое пространство.

Постепенно к исследованию мемориальной проблематики все больше подключались историки России, в их числе специалисты ведущих академических и учебных заведений: Б. Н. Флоря [49], И. В. Ведюшкина [50, 51], И. Н. Данилевский [52], А. И. Филюшкин [53], О. В. Белова и В. Я. Петрухин [54], и многие другие. Использование новых подходов позволило выдвинуть ряд интересных гипотез и построений. В их числе, например, вывод о том, что единое историческое и этническое массовое сознание в древней Руси возникает не во время формальной общности, а позже, во времена политической раздробленности — во второй половине XIII — начале XIV в., т. е. тогда, когда «нарративные» и документальные источники во всех частях восточнославянской этнической территории фиксируют самоназвания местным населением себя «русинами», или «русскими», а название страны, в которой они живут, — как «Русь» или «Русская земля», язык — как «русский» [49, с. 12]. Другая тема, которой уделяется много внимания в литературе, связана с процессом конструирования истории в XV–XVI вв., в ряде работ последовательно раскрывается

природа ряда мифов, закрепляющихся в это время: о Борисе и Глебе, Александре Невском и прежде всего о Куликовской битве, представления о которой являются плодом исторического воображения XV — начала XVI в. (см., напр.: [55–57]). Обширная историография посвящена теме создания истории России в Посольском приказе в XVI–XVII вв., новые подходы позволяют историкам иначе взглянуть на такие известные тексты, как «Степенная книга», «Синописис» и др., представив их места и источники формирования устойчивых мифов национальной памяти (см., напр.: [38; 58]).

Любопытно, что последующая «история памяти» привлекала внимание исследователей в значительно меньшей степени. Осмелимся предположить, что причина такой ситуации не только в большей охватности (в сравнении с поздними периодами) источниковой базы, но и в том, что допетровская Русь в значительной степени является местом консенсуса современной исторической памяти. Переломное для исторического сознания россиян петровское время и XVIII столетие в целом в настоящее время находятся на периферии мемориальных исследований за немногими исключениями (см. прежде всего работы О. А. Агеевой о политике памяти петровского времени (в первую очередь [59]) и А. Зорина о формировании имперских мифов национального сознания в Екатерининскую эпоху [60]). Богатейшее исследовательское поле — историческое сознание XIX в. — также на сегодняшний день остается мало вспаханным. И это при том, что как раз в XIX столетии, по меткому выражению В. Г. Белинского, которого, в свою очередь, цитирует один из немногих исследователей этой проблематики Т. А. Сабурова, «история сделалась как бы основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможным постижение ни искусства, ни философии. Мало того, само искусство теперь сделалось преимущественно историческим» (цит. по: [61, с. 198]). Однако это-то и затрудняет системное исследование исторического сознания эпохи. Наиболее удачными пока кажутся работы, связанные с отдельными объектами/ источниками формирования памяти (историография, литература, архитектура и живопись, школьные /учебные/ тексты и пр.), например, исследование практик коммемораций, в котором наглядно показывается, как формирование пространства коммемораций переходило от государства к обществу [62]. Интерес представляют также тексты, связанные с изучением исторического сознания какой-либо социальной группы или сообщества. В частности, в исследовании А. В. Буганова «Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.)» осуществлена попытка реконструкции народной версии национального прошлого, выявляется соотношение между фактической историей и ее подчас мифологической трактовкой [63] (см. также [64]).

Перспективные направления современных исследований памяти Нового и новейшего времени — изучение эволюции исторической памяти о конкретном историческом персонаже (см., напр.: [65; 42; 66–68]) или «научной» историографической традиции как формы культурной памяти (см., напр.: [69–70]). При этом историческая память XX в. привлекает внимание исследователей в значительно большей степени, нежели предшествующее столетие. Однако в этой сфере есть своя специфика, связанная как раз с тем, что воспоминания о недавнем прошлом зачастую носят «травматический» характер, а изложение неразрывно связано с национальной и политической идентификацией самого исследователя [71]. XX век — та область

исторической памяти, где мемориальные исследования естественным образом соприкасаются с работами в области устной истории. Кроме новых типов источников (аудиовизуальных) возникают и социологические базы данных, требующие специального учета. В определенной степени для историографии важными являются те же объекты, что и для исторической памяти в целом, например войны [72], прежде всего Первая [73] и в особенности Вторая мировая (см., в частности: [74–79]) — исследованию памяти о Великой Отечественной войне посвящен, в числе прочих, проект «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е — 2000-е)» [80]), революции 1917 г. (см., напр.: [81–82]) или политические репрессии (см., напр.: [83]). Однако многие локальные объекты, которые, несомненно, занимают ведущие позиции в современном историческом сознании (например, основные политические деятели, такие как Ленин и Сталин) пока остаются *terra incognita* мемориальных исследований.

Академические исследования и социальный контекст: историческая память и историческая политика в России

В исследовании многочисленных механизмов формирования исторической памяти новейшего времени и так называемой исторической политики (политики памяти) наибольшее внимание уделяется изучению преподавания истории в школе и школьным учебникам истории. Литература по этой проблематике уже сама по себе может стать предметом специальной историографической рефлексии (см., напр.: [84–97]). Не вдаваясь в подробный анализ существующих здесь дискуссий, укажем, что наиболее плодотворной является попытка анализа учебного материала путем его соотнесения с основными политическими дискурсами, предполагающая в свою очередь известную отстраненность от соблазнов конструирования истории самим историографом (примером такого рода построений может служить недавняя статья М. А. Шибаяева: [98]). В последнее время в литературе можно отметить плодотворные попытки анализа и других (помимо учебников истории) так называемых «нормативных текстов» (под которыми понимаются тексты, обязательные для освоения в средней школе) [99–100].

С точки зрения задач исторической политики в литературе выдвигается тезис о том, что школьное историческое образование должно способствовать гражданской консолидации общества, становлению единой национальной идентичности. Например, в одной из работ справедливо отмечается, что для такого «подхода характерно фокусировать внимание на событиях, значимых с точки зрения построения национально-патриотической версии истории России, формирования коллективной исторической памяти, которая является основой самоидентификации человека, социальной группы» [101]. Однако практическая реализация такого подхода в настоящий момент затруднительна, поскольку не выработаны критерии отбора подобного рода мест «консенсуса» исторической памяти. Другим инструментом политики памяти обоснованно считаются такие общественные институции, как музеи (см., напр.: [102–103]). В литературе распространены характеристики музея как «мнемонической машины» или «материального воплощения коллективной памяти» [104, с. 7–8], «мест памяти», «общественных коллекторов, обеспечивающих единство общества» [105, с. 71], «памятной книги человечества» [105, с. 71] и т. п. В контексте

современных *memory studies* музей является важным центром формирования культурной и коммуникативной памяти общества (об этом см., напр.: [107]). Процесс производства исторической памяти в музее, разумеется, связан с музеализацией — предметами, хранящимися в данном музее. Отбор, документация, первичное изучение предметов для музейной коллекции сами по себе ограничены и заданы определенными культурными и экономическими и политическими целями и условиями. В ходе этого процесса (музеализации) предмет обретает статус «музейного» и затем «становится частью наследия (или проходит процесс патримониализации), попадая в экспозицию и выступая в роли средства обучения» [104, с. 4] — формирования пространства памяти, в котором искусственно воссоздается серия событий и образов, «дающих иллюзию общего, разделяемого неким сообществом опыта» [104, с. 8]. В современной литературе выделяются несколько этапов формирования музеев как институтов памяти. В одной из таких классификаций выделяется подготовительный период (до XVIII в.), период институциализации (XVIII — первая половина XX в.) и период интеграции (со второй половины XX в. по настоящее время) [108, с. 37–38]. Период интеграции знаменует появление нового характера музея как «инновационный тип современного института культуры, в котором «наряду с традиционными для каждого института появляются новые (для библиотек и архивов — вещные, для музеев — письменные документы)» [108, с. 37–41].

Музейное пространство рассматривается как инструмент формирования исторической памяти о политических реалиях эпохи холодной войны [109], инструмент формирования национальной и региональной идентичности [110–115], инструмент туристического проекта, основанного на эксплуатации наиболее популярных исторических образов (ср.: [116]) и т. п. В контексте конструктивистской парадигмы музей — важный элемент групповой и культурной идентичности, который имеет социальный успех только тогда, когда композиционно и идейно отвечает конкретным ценностным запросам общества и последовательно реализует политику памяти о конкретной группе объектов (ср.: [117–119]). Как подчеркивается в литературе, «музеи как институты памяти имеют преимущество перед прочими агентами культуры, они обладают особым эмансипирующим измерением, т. е. могут способствовать улучшению жизни своих общин, становиться местами для оживленных дебатов, они порождают исполненные смысла визуальные и текстуальные (ре)конструкции, которые направлены на передачу определенных посланий, целью своей имеющих улучшение качества жизни общества» [104, с. 5]. Как отмечают исследователи, родственными по отношению к музеям институтами социальной памяти являются архивы и библиотеки. В этой связи следует обратить внимание, например, на процесс формирования «библиотек-музеев» и «музеев-библиотек», сочетающих собирание и экспозицию памятников материальной и духовной культуры, который в 2000-е годы принял массовый характер [120] (ср. напр.: [121, с. 87]).

Другим местом и инструментом формирования исторической памяти и исторической политики являются коммеморации, под которыми понимается мобилизация памяти о том или ином объекте (событии, человеке, исторической общности). К коммеморациям относятся мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилеи, похороны и т. п. Как правило, в литературе коммеморативные практики рассматриваются фокусно, т. е. в привязке к практикам мобилизации памяти о конкретном событии (в рамках концепции «мест памяти» П. Нора). В числе популярных тем вой-

на 1812 г. (о последних юбилейных коммеморациях см. следующий обзор: [122]) и, конечно, Великая Отечественная война (см., напр.: [123]). В частности, в литературе показано значение мемориализации мест памяти, связанных с событиями 1941–1945 гг., и создания «визуального ряда для военно-патриотических путешествий и экскурсий» с целью формирования героико-патриотической парадигмы Великой Отечественной войны в национальной памяти [124]. Интересны примеры исследований, которые рассматривают коммеморативные практики, связанные с трагическими событиями, как механизм преодоления травмы памяти (см., напр.: [125]). В этом контексте, например, политика памяти на Западе, где происходит активная мемориализация жертв мирового терроризма, противопоставляется российской традиции [14, с. 25]. Своеобразными коммеморациями являются и топонимы, мобилирующие память о тех или иных личностях или событиях. Разумеется, историография не могла пройти мимо и топонимических войн последних десятилетий. В частности, в литературе отмечается «прагматичный» подход современной российской власти, которая не спешит с переименованиями (например, советских улиц) и не стремится навязывать топонимическими методами какую-либо государственную идеологию [126]. В связи с этим показательна и другая тема дискуссий, связанная с проблемами захоронения (или перезахоронения) исторических деятелей как части политики памяти, в частности, со спекуляциями вокруг мавзолея В. И. Ленина, тело которого власти не решаются предать земле (см., напр.: [127]). Изучаются и региональные практики коммемораций в региональной социально-политической жизни («дни города», «юбилеи региона»). Как справедливо отмечается в одной из работ, ««древность» региона, его «укорененность» в истории вместе с «особой» ролью, сыгранной им в отдельные периоды в судьбе России, служат средством символического повышения статуса общности», а ««выдающиеся земляки» играют роль героев складывающегося исторического мифа, позволяя сегодняшнему региональному лидеру претендовать на роль культурного и политического вождя» [128, с. 165].

Другие источники формирования исторической памяти российского общества (и инструменты исторической политики) — устная традиция, художественная литература (см., напр.: [129–130]), кино (см., напр.: [131]), СМИ (см., напр.: [126; 132]), историческая живопись (см., напр.: [133, с. 74–75]), сетевой контент, рок-музыка [134] и т. п. — также нашли довольно широкое отражение в современной литературе. Однако большинство этих работ скорее носит иллюстративный характер, как бы утверждающий (подтверждающий) важность их изучения.

Предпринимаются попытки проанализировать историческую политику российской власти «Путинской эпохи», в частности, с точки зрения использования различных институтов: СМИ [126], церкви [135]. Еще одним предметом исследования является специфика региональной памяти и региональных политик памяти [136], региональной и этнической идентичности разных республик и областей России [137–140]. Для выработки исторической политики ключевым является конструирование политических нарративов, отражающих ту или иную версию исторической памяти (проблема давно разрабатывается в западной историографии (см., напр., обзор О. Г. Эксле: [141]). Механизм формулирования этих нарративов также является предметом внимания в литературе (см., в частности: [142–146]).

Для политики памяти и *memory studies*, разумеется, представляют значительный интерес социологические исследования, посвященные исторической памяти

современного российского общества, проводившиеся в последние десятилетия. Среди институтов, организовавших подобные исследования, отметим ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, Социологический центр РАГС (подробнее см., напр.: [147–150]). Поскольку их данные и само содержание социологических опросов интересны обществу, их проведением также активно занимаются СМИ [151–153]. Результаты этих опросов представляют несомненную ценность с точки зрения фиксации современных исторических представлений о тех или иных объектах исторической памяти, а также мнений респондентов о том, из каких источников они черпают историческую информацию. Важно, что ряд социологических исследований специально посвящен изучению исторического сознания молодого поколения россиян, что позволяет, в частности, прогнозировать как развитие исторических представлений, так и ценностных горизонтов российского общества [154]. При оценке всех этих данных, однако, стоит учитывать то обстоятельство, что они получены в рамках текущей конъюнктуры и подвержены существенным колебаниям, обусловленным медийным фоном и социальной ситуацией конкретного исторического момента. Например, в 1990 г. среди культурных символов нации присутствовали Пушкин, Толстой, Шевченко, а в 2001 г. — Пушкин, Толстой, Достоевский (который ранее к лидирующей группе не приближался); популярность эпохи Петра I с 2001 по 2003 г. выросла в 3 раза, но особенно показательны изменения относительно центральных политических фигур. Так, уровень поддержки Ленина составлял в конце 1988 г. 68%, в 1989 г. — 64, в январе 1991 г. — 39, в 1994 г. — 34, в 2001 г. — 42%, затем произошла стабилизация; еще более яркие перемены коснулись фигуры Сталина: уровень ее поддержки в 1989 г. составлял 12%, в 1991 г. — 4, в 1994 г. — 20, в 2001 г. — 32,9, в 2003 г. — 34,7, в 2009 г. — 39,4% (опубликованные результаты исследования см.: [155–156]). Таким образом, очевидно, что результаты социологических опросов могут быть поняты и использованы в выработке рекомендаций, связанных с задачами исторической политики только в сопоставлении с анализом структуры культурной памяти общества.

Вместе с тем приходится констатировать, что в современной литературе ставятся общие задачи выработки политики памяти, даже предлагаются многочисленные рецепты без всякого учета научных данных. Например, авторы одного из подобных текстов (Г. А. Быковская, А. Н. Злобин, И. В. Иноземцев) заявляют о необходимости «разработать детальную программу патриотического воспитания»: «С самого раннего детства семья, дошкольные учреждения, СМИ, школа, другие учреждения должны формировать положительное восприятие России, ее истории и культуры» [158, с. 154]. Далее авторы предлагают набор объектов исторической памяти, вокруг которых должна строиться новая система государственной пропаганды и которая разделена на «девять условных групп: основатели государства (правители, внесшие выдающийся вклад в развитие России), великие исторические события, герои, наука, литература, музыка, живопись, памятные места, памятники природы» [158, с. 155]. При этом они утверждают, что в первую очередь важно пропагандировать образы, связанные с «основой» этнической памяти (и определяют их ряд: Владимир Святой, Иван III, Петр I, Александр II, Б. Н. Ельцин, Ледовое побоище, Невская битва, Стояние на Угре, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война, Первый полет человека в космос, Александр Невский, Дмитрий Донской и т. п.), а также учитывать, что «места памяти» «заведомо делятся на стабильные (хорошо известные, передаваемые из поколения в поколение: Александр Невский, Петр Первый, Москва

и др.) и нестабильные (неизвестные, плохо узнаваемые: Стояние на Угре, воевода Хабаров, П. А. Столыпин, Сперанский и др.)» [158, с. 156]. Интересно, однако, что вопрос о методологии определения «набора» этих мест, их ранжирования и деления на «стабильные» и «нестабильные» даже не ставится. Иначе говоря, эти построения являются плодом исторического сознания/фантазии самих «патриотически» настроенных авторов. В этом контексте показательным, что некоторые ученые используют площадку мемориальных исследований не столько для содержательного анализа культурной памяти общества, сколько для пропаганды собственных политических взглядов. Характерна в этом отношении работа саратовских ученых — докторов исторических наук А. А. Васильева и В. Ю. Соловьева (выполненная при поддержке РГНФ) «О некоторых моментах современного исторического воспитания и формирования русской самоидентичности» [159]. Истоки культурно-исторического кризиса авторы видят в той работе «по утверждению новых исторических выводов», которая ведется на Западе. Эта работа связана с «провокационным навязыванием русским людям чувства вины за события исторического прошлого, чтобы мы сегодня не гордились нашими предками, а испытывали бы чувство горечи, разочарования и обреченности» [159, с. 85]. У авторов есть и рецепты исправления ситуации. В частности, А. А. Васильев и В. Ю. Соловьев считают, что, «укрепляя связь между поколениями, очень важно отмечать традиционно русские и православные праздники, а также прививать молодежи любовь и почтение к новым, близким по духу русским людям праздникам, таким как День защиты детей (1 июня), День пожилого человека (1 октября), День матери (последнее воскресенье ноября), декада инвалидов. Одним из главных для православных, а значит, русских людей, должен стать День семьи, любви и верности, который празднуется 8 июля в память святых Петра и Февронии — покровителей брака» [159, с. 87]. При этом вопрос о том, насколько эти коммеморации отвечают содержанию культурной памяти общества и, следовательно, насколько эффективными инструментами они могут стать в рамках политики памяти, даже не рассматривается.

Не менее загадочны и некоторые спекуляции в рамках текстов либерального дискурса. Например, Т. В. Растимешина «открывает» особенность российской исторической памяти (отличной от памяти европейцев). По ее словам, она «искусственно сконструирована», «произвольна и производна от власти», «если европейцы осваивают и присваивают прошлое, то российская власть привержена схеме уничтожения — производства», иначе говоря, в России каждый новый политический режим создает новое прошлое, и «память в российской системе власти подменяется различными историоцистскими схемами» [135, с. 76]. В другой статье тот же автор дает следующее наблюдение обобщающего характера: «Историческую память в российской политике можно рассматривать как пространство борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Как правило, государство побеждает в этой борьбе и контролирует большую часть историко-информационного пространства, монополизируя право на использование памяти как политического ресурса» [160, с. 129]. Таким образом, содержательный анализ оснований культурной памяти российского общества, в котором действуют и государство, и другие факторы, подменяется очередной декларативной схемой.

Эта ситуация находит отражение в разного рода попытках органов государственной власти сформулировать целостные программы политики памяти. Так,

15 мая 2009 г. была создана «Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», задачами которой были «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, <...> выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России; <...> координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России» и т. п. [161]. Среди чиновного состава комиссии особо выделялась своей «патриотической позицией» и обвинительными высказываниями в адрес «либералов» и «Запада» докт. ист. наук, руководитель фонда «Историческая перспектива» Н. А. Нарочницкая [162].

В определенной степени реакцией на деятельность комиссии стали предложения либеральной части российской общественной элиты, нашедшие отражение в тексте проекта общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» Совета по гражданскому обществу и правам человека, который его представители 1 февраля 2011 г. передали президенту России Д. А. Медведеву. Пафос программы выражен в преамбуле, в которой отмечается, что «чувство ответственного хозяина страны <...> немислимо возродить, скрывая — не столько от внешнего мира, сколько от самих себя — правду о том, что наш народ сделал сам с собой в XX веке. <...> Одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты, является полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века». Авторы программы исходили из либерального убеждения, что «мы страна не Ленина и Сталина, а страна и народ Пушкина, Гоголя, Толстого, Пастернака, Чайковского, Суворова, Жукова, Королева, Солженицына, Сахарова, наконец, Екатерины II, Александра II, Столыпина, внесших огромный вклад в развитие и славу страны и ее культуры» (обращает на себя внимание очевидно случайный, а не экспертный характер этой выборки), и предложили не только последовательно осудить тоталитарное наследие и геноцид собственного народа, но и исправить топонимику, запретить тоталитарные высказывания чиновников и ввести анти тоталитарные «единые» учебники истории [163]. Разумеется, эти предложения вызвали болезненную реакцию «экспертов» из иного идеологического лагеря (см., напр.: [164]), и об их реализации речи не заходило. В то же время можно предположить, что составление этой программы повлияло на решение о ликвидации в марте 2012 г. «Комиссии по борьбе с фальсификацией...», которое либеральные историки и общественные деятели восприняли положительно (см., напр.: [165]), однако и некоторые консервативно настроенные эксперты (в частности, директор фонда «Историческая память» А. Дюков) отмечали забюрократизированность и невнятность характера работы комиссии [166]. Вообще, в последние годы, несмотря на то, что «национально-патриотическое» начало превалирует в идейных поисках власть предержащих относительно национальной истории (см., напр., тексты нынешнего министра культуры В. Р. Мединского и полемику вокруг его творчества: [167–174]), правящая элита, оче-

видно, не имеет сколько-нибудь стройного идеала национального будущего, исходя из которого проектируется прошлое. Лучший тому пример — явная пробуксовка затеи Русского исторического общества, которое под президентским патронажем с февраля 2013 г. готовит новый «единый» учебник истории [175]. Отсутствие не только внятных идеологических, но и научных оснований политики памяти приводит к возникновению неэффективной системы государственных коммемораций, таких как «День Национального единства», «День России», «День Петра и Февронии» и т. п., которые не имеют основы в культурной памяти общества.

Перспективы memory studies: поиск метода в междисциплинарном поле

Одной из ключевых проблем современных спекуляций, связанных с исторической памятью, являются взаимоотношения исторической памяти и исторической науки. В литературе присутствуют разные точки зрения на этот счет. Одна точка зрения, восходящая к позиции М. Хальбвакса и П. Нора, разводит, а отчасти и противопоставляет историографию и память. Согласно этой точке зрения, историография призвана корректировать память и отбирать то, чему в ней суждено остаться (см., напр.: [176, с. 65; 177]). Согласно другой точке зрения, историография сама служит лишь отражением исторической памяти (см., напр.: [178, с. 10]). Есть, впрочем, и «срединная» точка зрения, которая, признавая неизбежную зависимость историографии от мифов, укоренившихся в массовом сознании, призывает, тем не менее, с этими мифами бороться («история — это искусство отделения подлинных реальностей от всевозможных симулякров») (см., напр.: [179–180]).

Исследования исторической памяти в России, так же как и в мировой историографии в целом, тесно связаны с темами «конструирования истории», «образа чужого», «воображаемого прошлого». Мемориальные исследования по определению носят междисциплинарный характер, являясь сферой совместной работы представителей различных наук: кроме истории также философии, социологии, политологии, культурологии, литературоведения, психологии. Так, в российской научной литературе 1990–2000-х годов ключевой проблемой становится изучение механизма формирования исторической памяти, которой помимо историков занимаются представители названных дисциплин. Среди таких исследований следует отметить работы Б. В. Дубина [129], А. Левинсона [156], В. В. Нурковой [181], С. А. Экшутута [182], П. А. Заклинского [183], А. Ф. Филиппова [184], Н. Г. Брагиной [185], В. А. Климова [186] и других авторов. Очевидна и важность этих исследований с точки зрения как решения задач фундаментальной науки, так и прикладных результатов, которые можно использовать в разных сферах — туристическом и музейном бизнесе, медийных проектах, рекламе, политтехнологиях.

В то же время, несмотря на внешнюю интенсификацию memory studies в российской историографии, это направление все же по-прежнему находится в арьергарде академических исследований. С этой точки зрения можно говорить о догоняющем характере отечественных мемориальных штудий — кстати, в этом одна из причин фактического отсутствия российских монографий по российской тематике по исторической памяти. Например, наиболее фундаментальным мемориальным исследованием монографического жанра долгое время оставался труд немецко-

го ученого Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти» (2004) (русский перевод: [187])¹. Лишь с начала 2010-х годов стали появляться сопоставимые по масштабам работы российских авторов. В их числе отметим книгу Н. Е. Копосова «Память строгого режима: история и политика в России» (2011) [192], коллективную монографию «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России» (2012), выполненную авторским коллективом под руководством Л. В. Мельниковой [193], и монографию А. И. Филюшкина о формировании образа Ливонской войны в глазах современников и потомков (2013) [194].

В чем причина такой историографической ситуации? Прежде всего, исходя из наблюдений над литературой, можно предположить, что *memory studies* не всегда вполне успешно решают задачу систематизации источниковой базы и разработки методологического инструментария. Исследования памяти являют яркий пример «раскрошенной историографии», это сотни камерных работ, посвященных отдельным аспектам и объектам исторической памяти, авторы которых, как правило, мало интересуются текстами и темами друг друга, используют мало согласуемые методологические подходы и терминологию. Особенно очевидна такая несогласованность, если обратиться к трудам представителей различных дисциплин. Так, историки и социологи — основные игроки на поле *memory studies* — не сумели пока, несмотря на декларируемую обеими сторонами междисциплинарность, найти общий язык относительно инструментария и задач работы. Между тем, как показывает приведенный выше обзор, трудно решать как академические, так и прикладные задачи, избегая сотrudничества.

В контексте поиска путей для преодоления существующей ситуации следует остановиться на проектах, осуществлявшихся в последние годы на историческом факультете СПбГУ, — «Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ» (при поддержке фонда «Вехи эпох», руководитель Д. О. Цыпкин) и «Российская историография с древнейших времен XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте» (при поддержке тематического плана НИР СПбГУ, руководитель А. Ю. Дворниченко), в котором принимали участие и авторы настоящей статьи.

В рамках первого из названных проектов исследователями была поставлена амбициозная задача — реконструкции исторических представлений советского / российского общества в период с 1965 по 2007 г. В ходе работы были выделены группы массовых источников, оказывавших наибольшее влияние на формирование исторической памяти в это время. К ним относятся: учебная литература (школьные и вузовские учебники и учебные пособия по отечественной истории), историко-популярная лите-

¹ В монографии Ф. Б. Шенка анализируется процесс конструирования исторической памяти об Александре Невском в России на протяжении семи столетий. Автором использовано большое количество источников — жития, летописи, исторические труды, политическая публицистика, материалы по живописи, скульптуре, кинематографу и многое другое. Таким образом, результаты и выводы, сделанные в работе, получены на основании обработки и анализа крупного комплекса источников формирования национальной памяти. Тем не менее такой подход не дает возможности для полноценного определения позиции конкретного объекта в системе исторической памяти, поскольку не подразумевает обоснованного сопоставления его со всей совокупностью других объектов коллективной памяти. См. также по данной тематике: [188–191].

ратура (произведения русской классики, публицистика, детективы и бульварная литература), сетевые ресурсы (наиболее востребованные порталы-энциклопедии и тематические ресурсы, посвященные истории России), кино-источники (художественные и документальные фильмы, сериалы, передачи, содержащие информацию по истории России). В рамках конструктивистской парадигмы все источники были распределены по концепциям, в зависимости от той или иной версии национальной истории, обозначенной в конкретном тексте. Важным этапом работы по проекту стало выделение наиболее востребованных объектов исторической памяти, которые были разделены на две группы: события/явления и персоналии. Таким образом, данный проект стал попыткой реконструкции картины исторического сознания наших соотечественников последних десятилетий. В ходе проведенного исследования удалось выявить места консенсуса, конфликтные объекты и болевые точки национальной памяти и определить основные тенденции развития исторической памяти в России².

В рамках проекта «Российская историография с древнейших времен до XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте» авторы настоящей статьи осуществили ряд исследований, посвященных конкретным объектам национальной памяти: Павлу I, Александру I [68], Николаю I [196], П. А. Столыпину [67]. В сферу наших исследований также входило изучение места историографии в формировании исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. [97] и династии Романовых [197]. В перечисленных работах исследователи делали упор как на изучение материалов школьных учебников по истории СССР/России, так и на тексты художественной литературы, оказывающие значительное влияние на массовые исторические представления. Помимо этого использовались такие источники, как периодическая печать, публицистика, сетевые ресурсы, кино-источники. В связи с этим ставилась задача выявления наиболее востребованных авторов и текстов профессиональных историков на основе существующих наукометрических баз и анализа каталогов наиболее крупных российских библиотек (РГБ, РНБ, ГПИБ) и в этом контексте рассмотрения роли историографии в формировании исторической памяти (см., напр.: [197]).

Материалы данного очерка позволяют констатировать, что в настоящее время государственная политика памяти не имеет ни четко выраженных идеологических ориентиров, ни научной основы. Разумеется, власти стремятся интуитивно найти и поддержать пантеон бесконфликтных, так называемых «консенсусных» объектов исторической памяти (Александр Невский, Минин и Пожарский и др.), однако системного подхода к формированию задач исторической политики в современной России нет. Под названиями, подразумевающими мемориальные исследования, зачастую скрываются тексты, в которых авторы, прикрываясь научной риторикой, предлагают свои, научно не подкрепленные версии отечественной истории, которые, по их мнению, должны быть восприняты широкой общественностью. Таким образом, одной из главных задач исторической науки в этой области является избавление от подобных «псевдомемориальных» сочинений, а также включение в исследовательский оборот новых источников формирования исторической памяти. Определяющей и пока далекой до достижения целью научных штудий остается создание «карты памяти» россиян с древнейших времен до начала XXI в. Такая карта

² О методике осуществления данного проекта и его основных результатах рассказывается в одном из исследований его участников Д. О. Цыпкина и М. А. Шибалева [195].

памяти должна включать в себя прежде всего обоснованную выборку источников формирования исторических представлений и круг объектов исторической памяти на различных этапах истории российского общества.

Литература

1. Репина Л. П. Исторические представления и культурное многообразие мира // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 16. М.: Комкнига, 2006. С. 5–14.
2. Репина Л. П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник российской нации. 2010. №3. С. 65–77.
3. Репина Л. П. Историческая память и история историков // Исторические записки. 2010. №13 (131). С. 154–164.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 343 с.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
6. Le Goff J. Histoire et mémoire. Paris: Gallimard, 1988. 410 p.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.
8. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: CUP, 1983. 327 p.
9. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. 725 с.
10. Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
11. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 42 с.
12. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 33–45.
13. Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Феномен прошлого, 2005. С. 122–169.
14. Святославский А. В. Проблемы культурной памяти в зарубежной науке: основные направления исследований // Вопросы культурологии. 2010. №12. С. 22–27.
15. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. №2. С. 23–34.
16. Folz R. Le souvenir et la legende de Charlemagne dans l'empire germanique medieval. Paris: Publications de l'Université de Dijon, 1950 (repr. 1973). 624 p.
17. Tulard J. Le Mythe de Napoléon. Paris: Armand Colin, 1971. 237 p.
18. Le Goff J. Saint Louis. Paris: Gallimard, 1996. 857 p.
19. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М.: Ладомир, 2001. 800 с.
20. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры (Кошелев), 2002. 494 с.
21. Франция-Память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 325 с.
22. Васильев А. Memory Studies: единство парадигмы — многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 461–480.
23. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 703 с.
24. Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
25. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Культура», 1993. 763 с.
26. Репина Л. П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИИ) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 5–14.
27. Бобкова М. С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.: ИВИ РАН, 2010. 329 с.
28. Доронин А. В. Историк и его миф. Иоганн Авентин (1477–1534). М.: РОССПЭН, 2007. 254 с.
29. Ионов И. Н. Образы пространства и времени в имперском / колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 337–370.
30. Хапаева Д. Прошлое как вызов истории // Франция-Память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 292–323.

31. *Метлицкая З. Ю.* Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков: по материалам Англосаксонской хроники: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2005. 20 с.
32. Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. (История, теория, педагогическая практика): материалы науч. конференции (4–7 сентября 2000 г.) / [редкол.: И. О. Ермаченко (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 334 с.
33. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М.: Кругъ, 2003. 405 с.
34. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
35. Время — История — Память: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2007. 319 с.
36. Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 959 с.
37. *Ерусалимский К. Ю.* Понятие «История» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. и сост. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 365–401.
38. *Ерусалимский К. Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России в XVI века // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 609–634.
39. *Усачев А. С.* Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. и сост. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 349–364.
40. *Усачев А. С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 609–634.
41. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 636–681.
42. *Леонтьева О. Б.* «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) // Известия Самарск. науч. центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, №1. С. 36–47.
43. *Леонтьева О. Б.* Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. М.: Кругъ, 2010. С. 844–884.
44. *Леонтьева О. Б.* «Трудно быть императором»: император Павел I в исторической памяти рубежа XIX–XX вв. // Вестн. Самарск. гос. ун-та. 2012. №8, вып. 1. С. 66–71.
45. *Сабурова Т. А.* «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. М.: Кругъ, 2010. С. 302–331.
46. *Еремеева С. А.* Монументальные практики коммеморации в России XIX — начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 911–927.
47. *Мальшева С. Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х гг. // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 682–710.
48. *Фокин А. А.* «Коммунизм не за горами»: образы «светлого будущего» в СССР на рубеже 1950–60-х годов // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 332–366.
49. *Флоря Б. Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // Россия-Украина: история взаимоотношений. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 9–27.
50. *Ведюшкина И. В.* Самоназвание и «чувство-мы»: формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // Культура исторической памяти: материалы науч. конференции (19–22 сентября 2001 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 18–25.
51. *Ведюшкина И. В.* Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 554–608.
52. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. М.: Аспект-Пресс, 1999. 399 с.

53. *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 620 с.
54. *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. 262 с.
55. *Петров А. Е.* Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления Московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.): к вопросу о моменте трансформации места памяти // Исторические записки. 2004. Т. 7 (125). С. 35–56.
56. *Мелихов М. В.* Памятники куликовского цикла: взаимодействие устной и письменной традиции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2003. №10. С. 67–281.
57. *Филлюшкин А. И.* «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды научно-практической конференции «Куликово поле — уникальная культурно-историческая и природная территория». Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России (Москва — Тула, 25–27 октября 1999 г.). Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 172–186.
58. *Опарина Т. А.* Москва как новый Киев, или Где же произошло Крещение Руси: взгляд из первой половины XVII века // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 635–663.
59. *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на земле» — град Святого Петра. СПб.: Рус.-Балт. Информ. Центр БЛИЦ, 1999. 341 с.
60. *Зорин А. И.* Корма двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 414 с.
61. *Сабурова Т. А.* От минувшего к грядущему: «связь времен» в историческом сознании русской интеллигенции XIX века // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 198.
62. *Еремеева С. А.* Монументальные практики коммеморации в России XIX — начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 911–927.
63. *Буганов А. В.* Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2008. №18. С. 40–49.
64. *Буганов А. В.* Выдающиеся личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX — начала XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. 359 с.
65. *Леонтьева О. Б.* Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 18. С. 19–34.
66. *Сосницкий Д. А.* Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории Нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): материалы Международной науч. конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2009 г. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 471–474.
67. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Человек и легенда. Почему Столыпин попал в пантеон российских героев? // Родина. 2012. №4. С. 112–117.
68. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Павел I и Александр I в исторической памяти российского общества конца XX — начала XXI в. на материале нарративных источников // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 241–256.
69. *Васильев А. Г.* Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 813–843.
70. *Урбанович В. М.* Отечественная историография русско-японской войны 1904–1905 гг. как форма культурной памяти: стратегии детравматизации национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2012. 194 с.
71. *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
72. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Идеалы, в которые верят... Мотив сакрального в исторических нарративах о войне (по материалам художественной литературы): постановка проблемы // Война и сакральность: материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург — Выборг — Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. М.; СПб.: ИВИ РАН, 2010. С. 224–229.

73. Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium) / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 49–57.
74. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С. 46–58.
75. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 780 с.
76. Трофимов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: изменчивость мифологии и стереотипы восприятия // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности: материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург: ИИ и АУрО РАН, 2005. С. 179–184.
77. Камынин В. Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания // Известия Уральск. федеральн. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86. №1. С. 59–65.
78. Мининков Н. А. Историческая память и Великая Отечественная война // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. №3. С. 3–9.
79. Федорова С. И. Историческая память о войне в сознании студенчества // Вестн. Красноярск. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2013. №1. С. 186–191.
80. Российское общество: историческая память и социальные реалии: материалы межрегиональной научно-практической конференции. XIV Адлерские чтения. Краснодар: Традиция, 2008. 334 с.
81. Бавин В. Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI в. // Социальная реальность. 2007. №4. С. 24–30.
82. Васильева Е. Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. №3. С. 24–32.
83. Щербакова И. Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 168–198.
84. Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2002. 231 с.
85. Дедков Н. Проблема учебника истории // Исторические исследования в России — 2. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2002. С. 50–57.
86. Майер Р. Силы демократизации в России. Преподавание истории и подготовка школьных учебников // Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию. М.: ИВИ, 2000. С. 201–224.
87. Образы России и стран Балтии в учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2002. 120 с.
88. Бацын В. К. О реформе исторического и обществоведческого образования в современной российской школе // Преподавание истории в школе. 1997. № 8. С. 16–22.
89. Берелович В. Современные учебники истории. Многоликая истина или очередная национальная идея? // Неприкосновенный запас. 2002. №24 (4). С. 80–88.
90. Голубев А. Новейшая история России в учебниках 1995 года // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. Бордюгова. М., 1996. С. 56–65.
91. Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М.: АИРО-XX, 1999. 445 с.
92. Свейников А. В. Борьба вокруг школьных учебников истории в постсоветской России: основные тенденции и результаты // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36). С. 70–77.
93. Левитнова Е., Баттерфилд Д. Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2 (32). С. 103–115.
94. Журухина А. А. Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории) // Вестн. Российск. гос. гуманитарн. ун-та. 2010. № 1. С. 180–192.
95. Поваляева Н. Е. История Отечества до начала XX века в современных школьных учебниках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2004. 24 с.
96. Журавлев В. В. Национальная идея и современные учебники истории // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. №4. С. 90–93.
97. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Два взгляда на войну 1812 г.: Отечественная война на страницах школьных учебников императорской и советской России (1860 – начало 1930-х гг.) // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. трудов Международной науч. конференции. СПб.: «Скифия-Принт», 2012. С. 261–273.

98. *Шибяев М. А.* В поисках утраченного: учебники последних лет по отечественной истории // Пушкин. 2009. №3. С. 72–75.
99. *Сосницкий Д. А.* Историческая память о допетровской Руси в XIX — начале XXI в.: постановка проблемы и опыт исследования // Университетский историк: альманах. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 423–430.
100. *Пономарев Е. Р.* Советские учебники по литературе как форма исторической памяти // Университетский историк: альманах. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 431–438.
101. *Вяземский Е. Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. №6. С. 89–90.
102. *Божченко О. А.* Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестн. СПбГУКИ. 2012. №3 (12). Сентябрь. С. 112–116.
103. *Буринская Е. Н.* Библиотеки-музеи как форма сохранения исторической памяти региона // XX век. Две России — одна культура. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2006. С. 292–300.
104. *Наварро О.* История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. №2. С. 7–8.
105. *Марков Б. В.* История и память // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С. 71.
106. *Резник И. И.* Музей как утверждение бессмертия // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2012. №3. С. 69–71.
107. *Грусман В. М.* Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, №35. С. 92–98.
108. *Никонова А. А.* Новые тенденции в деятельности институтов памяти // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2012. Вып. 3. С. 37–38.
109. *Хархун В.* Политика памяти о коммунизме и музейная коммуникация // Труды «Русской антропологической школы». Т. 11. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 119–126.
110. *Anderson M., Reeves A.* Contested identities: museums and the nation in Australia // Museums and the making of «ourselves». The role of objects in national identity / ed. F. E. S. Kaplan. London: Leicester University Press, 1996. P. 79–124.
111. *Karyl R.* Museums and Nation Building: the Role of Museums in the National Development of Costa Rica. A Contribution to the Study of Culture and Development. Indiana University: PhD Dissertation, 1992. 978 p.
112. *Kelly C.* Making a home on the Neva: domestic space, memory, and local identity in Leningrad and St. Petersburg, 1957–present // Laboratorium. 2011. Vol. 3, № 3. P. 53–96.
113. *Шницерельман В. А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
114. *Красильникова Е. И.* Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е годы музеологии // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103.
115. *Нурлигенова З. Н.* Память, хранимая столетиями (из истории карагандинского областного историко-краеведческого музея) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 12–15.
116. *Лысикова О. В.* Туризм как освоение пространства-времени: мобильность коллективной памяти // Социологические науки. 2011. № 7. С. 95–100.
117. *Pröslér M.* Museums and Globalization // Theorizing Museums / ed. by Sh. MacDonald, G. Fyfe. Cambridge (Mass.): Blackwell, 1996. P. 21–45.
118. *Montpetit R.* Museums and Knowledge: Sharing Awareness, Addressing Desire // Museums: Where Knowledge is Shared. Montreal: Société des musées québécois, 1995. P. 37–58.
119. *Вознесенская Л.* Музей — дыхание памяти // Государственная служба. 2012. Т. 1, № 1. С. 94–98.
120. *Бернат А.* Архивы, библиотеки и музеи — институты общественной памяти. Что их различает и сближает // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 60–65.
121. *Маркова Т. В.* Библиотека-музей как место памяти // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С. 87–91.
122. *Герасимова Г. И.* «Славный год сей минул». О юбилее Отечественной войны 1812 года // Россия XXI. 2013. №1. С. 162–179.
123. *Антощенко А. В.* Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: труды Международной науч. конференции / отв. ред. Л. М. Артамонова. Самара: Книга, 2010. С. 191–201.
124. *Попов А. Д.* Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 43–48.

125. Шагоян Н. А. Мемориализация землетрясения в Гюмри // Антропологический форум. 2009. №11. С. 328–370.
126. Эрлих С. И. Улица Декабристов (роль СМИ в формировании исторической памяти в современной России) // Вестн. Российск. гос. гуманитарного ун-та. 2008. №11. С. 245–261.
127. Евтушенко А. Г. Распоряжение останками: могила как место поклонения // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2012. №1. С. 203–206.
128. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. №3–1. С. 165.
129. Дубин Б. В. Семантика, риторика и социальные функции прошлого. К социологии советского и постсоветского романа. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. 42 с.
130. Минеева И. Н. О новых методологических подходах к составлению заданий для семинаров по курсу «История русской литературы XX — начала XXI в.» // Филологический класс. 2013. №2 (32). С. 26–32.
131. Волков И. В., Пономарева Е. В. Игровое кино как источник для изучения культурной памяти // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2012. №10 (269). С. 22–26.
132. Мецкеркина Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся. 2005. № 5. С. 198–213.
133. Мамырина Н. С. Специфика исторической картины как жанра станковой живописи // Мир науки, культуры, образования. 2007. №1. С. 74–75.
134. Буйнов И. А. Тема исторической памяти в рок-поэзии рубежа XX–XXI веков // Вестн. Моск. гос. гуманитарн. ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4. С. 5–9.
135. Растимешина Т. В. Культурное наследие церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестн. Моск. гос. академии делового администрирования. Сер. Философские, социальные и естественные науки. 2012. №5. С. 76–84.
136. Макаров А. И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. №12. С. 8–11.
137. Снегирева Т. И. Историческая память России: региональный аспект // Россия и современный мир. 2002. №3. С. 138–145.
138. Ерохина Е. А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. Философия. 2008. Т. 6, №1. С. 92–97.
139. Облонкова М. А. Пермская идентичность зеркале исторической памяти: европейская грань // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. Политология. 2013. №2. С. 104–117.
140. Дулина Н. В., Токарев В. В. Памятники и их роль в формировании социокультурного пространства Волгограда (по итогам социологического исследования «Волгоградский Омнибус») // Научный потенциал регионов на службу модернизации. 2013. №1 (4). С. 137–143.
141. Эксле О. Г. «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 75–90.
142. Кукарцева М. А., Валиева З. Э. Политический нарратив — инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель — Observer: научно-аналитический журнал. 2013. № 4. С. 100–109.
143. Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2005. №6. С. 57–69.
144. Малинова О. Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 368–395.
145. Гринюк А. В. Историческая память как фактор национальной безопасности // Россия и АТР. 2013. №2 (80). С. 29–37.
146. Ионов Б. В., Харитоновна Н. И. Проблема фальсификации истории на постсоветском пространстве // Вестн. Московск. гос. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013. №4. С. 110–127.
147. Историческая память. Оценки прошлого, ожидания от будущего // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=314&bln=1&cat=108&pid=100> (дата обращения: 30.09.2013).
148. История // Сайт Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/category/tegi/istoriya> (дата обращения: 30.09.2013).
149. Историческая память // Сайт ФОМ. URL.: <http://soc.fom.ru/tag/Istoricheskaya-pamyat> (дата обращения: 30.09.2013).
150. Результаты выборочного социологического опроса населения и экспертного опроса по теме «Социальные и политические ценности в историческом сознании российского общества» // Сайт РАГС. URL: <http://inter.rags.ru/node/377> (дата обращения: 30.09.2013).

151. Общий рейтинг // Имя Россия. Исторический выбор 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru/doc.html?id=1648> (дата обращения: 30.09.2013).
152. Наш Выбор // Дилетант. 2013. №7. С. 14–15 (см. также на сайте Diletant.ru). URL: http://www.diletant.ru/journal/19363216/article_19363233/. (дата обращения: 30.09.2013).
153. Исторические личности. Итоги // Сайт Diletant.ru. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html>. (дата обращения: 30.09.2013).
154. Горшков М. К., Шереги Ф. Е. Историческое сознание молодежи // Вестн. Российской Академии наук. 2010. Т. 80, №3. С. 195–203.
155. Дубин Б. В. Национализирующая память. (О социальной травматике массового исторического сознания) // Человек. 1991. №5. С. 8–9.
156. Левинсон А. Массовые представления об исторических личностях // Одиссей. 1996. С. 259–261
157. Покида А. Н. История государства в оценках россиян // Власть. 2009. №12. С. 99–105.
158. Быковская Г. А., Злобин А. Н., Иноземцев И. В. Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. №1 (13). С. 150–157.
159. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. О некоторых моментах современного исторического воспитания и формирования русской самоидентичности // Власть. 2011. № 1. С. 85–88.
160. Растимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного общества // Вестн. Московск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2012. №5. С. 128–135.
161. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html>. (дата обращения: 30.09.2013).
162. Архив записей категории интервью // Информационно-аналитический портал «Нарочни-кая.Ру». URL: <http://narochnitskaia.ru/category/interviews>. (дата обращения: 30.09.2013).
163. Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/proposals_at_a_meeting_in_ekb/. (дата обращения: 30.09.2013).
164. Тоталитарные методы борьбы с тоталитарным наследием: материалы экспертного опроса // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. №1. С. 17–47.
165. Без фальсификаций. «Историческая» комиссия при президенте распущена // Московские новости. URL: http://www.mn.ru/society_history/20120319/313741427.html. (дата обращения: 30.09.2013).
166. С фальсификацией истории покончено // Свободная Пресса. URL: <http://svpressa.ru/society/article/53717/>. (дата обращения: 30.09.2013).
167. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 526 с.
168. Мединский В. Р. Негодяи и гении PR от Рюрика до Ивана III Грозного. М.: Питер, 2009. 316 с.
169. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 217 с.
170. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 668 с.
171. Мединский В. Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.: автореф. дис. ...докт. ист. наук. М.: ГОУВПО «Российский государственный социальный университет», 2011. 45 с.
172. Анти-Мединский. Опровержение. Как партия власти «правит» историю. М.: Яуза-пресс, 2012. 315 с.
173. Анти-Мединский. Псевдоистория Второй мировой: новые мифы Кремля. М.: Яуза-пресс, 2012. 316 с.
174. Лобин А. Пещерное источниковедение // Сайт Полит. Ру. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/> (дата обращения: 8.12.2013).
175. Шахрай С. Напишем историю вместе // Газета. Ру. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2013/02/27_x_4989565.shtml. (дата обращения: 30.09.2013).
176. Шеуджен Э. А. «Места памяти»: модная дефиниция или историографическая практика? // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. I. 2012. №1. С. 65.
177. Никифоров А. Л. Историческая память и общество // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, №2. С. 90–102.

178. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 10.
179. *Булдаков В. П.* Историк и иллюзии исторической памяти // Россия и современный мир. 2013. №2. С. 34–47.
180. *Булдаков В. П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. №8. С. 54–65.
181. *Нуркова В. В.* Свершённое продолжается. Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 315 с.
182. *Экиутут С. А.* Битвы за храм Мнемозины // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 37–48.
183. *Заклинский П. А.* Историческое время и историческая память: автореф. дис.... канд. фило-соф. наук. М.: МПГУ, 1999. 18 с.
184. *Филиппов А. Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 96–120.
185. *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур; Издатель А. Кошелев, 2007. 514 с.
186. *Климов В. А.* Историческая память как фактор социализации (генеалогический аспект) // Известия Саратовск. гос. ун-та. 2007. Т. 7. Социология. Политология. Вып. 1. С. 8–13.
187. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
188. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 239 с.
189. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012. 365 с.
190. *Нестеренко А. Н.* Историческая память и современность // Вестн. Российской академии наук. 2012. Т. 82. №3. С. 284–288.
191. *Толочко П. П.* В защиту Александра Невского // Вестн. Российской академии наук. 2013. Т. 83, №2. С. 120–123.
192. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
193. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. 450 с.
194. *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.
195. *Цыпкин Д. О., Шibaев М. А.* 1612 и 1812 годы в современном массовом историческом сознании (к постановке проблемы) // 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национально-го исторического сознания: сб. науч. трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2013. С. 6–15.
196. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Уже не Палкин? Николай I в зеркале российской исторической памяти // Родина. 2013. №3. С. 128–130.
197. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Романовы в исторической памяти российского общества рубежа XX–XXI вв.: постановка проблемы // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: сб. материалов Международной науч. конференции: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Скифия-Принт, 2013. С. 336–356.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2013 г.